

DOI 10.35775/PSI.2024.108.8.027

УДК 32.327

М.С. РАМИЧ

ассистент кафедры теории и истории
международных отношений Российского университета дружбы
народов им. Патриса Лумумба (РУДН), сотрудник центра прикладного анализа
международных трансформаций РУДН,
Россия, г. Москва

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ США И КНР

Статья посвящена особенностям методологии анализа глобальной конкуренции США и КНР. Рассматриваются теоретические и прикладные методы анализа современной международной ситуации, включая теории международной политической науки и оценку количественных показателей и композитных индексов. В статье продемонстрированы возможности использования теорий международных отношений для анализа американо-китайской конкуренции, в том числе, отдельное внимание уделяется теории неореализма, теории «властного транзита», теории комплексной взаимозависимости, мир-системной теории и конструктивистским подходам. В статье проанализированы различные подходы к оценке материальных потенциалов США и КНР, включая отдельные экономические показатели и композитные индексы для оценки материальных потенциалов, военной мощи и комплексного влияния. Автор делает вывод о необходимости использования комплексной методологии для анализа американо-китайской конкуренции на современном этапе, сочетающей различные теоретические и прикладные подходы.

Ключевые слова: США, КНР, теория властного транзита, теория комплексной взаимозависимости, глобальное управление.

Возвышение Китая, последовавшее за успешной политикой реформ и открытости, в совокупности с кризисом однополярной системы международных отношений, которая существовала после окончания «холодной войны», стало вызовом для либерального мирового порядка, где основными бенефициарами выступали США и страны Коллективного Запада. США способствовали вовлечению КНР в мировую экономическую систему, ожидая, что это будет способствовать переходу Китая от социализма к капитализму, что сделает его действия более предсказуемыми [29]. Однако Китай не только не принял условия США, отклонив предложение о формировании «группы двух» (G2), но и начал свои собственные проекты, направленные на формирование новой системы глобального управления.

Это обусловило актуальность исследований, направленных на анализ потенциалов США и КНР. Для объективной оценки международной ситуации

необходимо иметь представление о комплексном влиянии двух стран на глобальном и региональном уровне. В случае с США и КНР, вопрос стоит в том, достаточно ли у США потенциала для сохранения доминирования с существующей системе международных отношений, или период «властного транзита» завершится формированием новой системы, где нормы и правила будет определять возвышающаяся держава.

Таким образом в 2010-2020-е годы США и КНР вошли в период «транзита власти» формируя «новую биполярность» практически во всех сферах международного взаимодействия, а американо-китайская конкуренция стала основным трендом мировой политики [5].

Конкуренция США и КНР через призму теорий международных отношений. Из-за комплексного характера исследуемого вопроса, особую сложность представляет выбор методологии. Теоретические подходы представителей школ реализма и либерализма не позволяют однозначно оценить динамику отношений США и КНР в системе международных отношений [32]. С другой стороны, именно изменение баланса сил привело страны к состоянию «ловушки Фукидида» [12]. Исторический опыт показывает, что большая часть конфликтов между великими державами имела под собой экономические причины, которые приводили к военно-политическим конфликтам и к применению силы. Однако нужно учитывать и опыт «транзита власти» от Британской Империи к США на рубеже XIX и XX веков, когда вооруженного конфликта между гегемоном и возвышающейся державой не произошло, а проигравшая сторона хоть и утратила формальное влияние, но сохранила доступ к рынкам, которые были сформированы ранее [23].

Также в XXI веке комплексная взаимозависимость изменила характер великодержавной конкуренции США и КНР в сторону умеренного формата, где сохраняется сотрудничество при учете позитивных и негативных факторов взаимозависимости [26. С. 19]. Увеличение потенциальных потерь в случае открытого военного конфликта, снизило его вероятность, усилив напряженность в других сферах международного взаимодействия.

Помимо этого, также невозможно рассматривать конкуренцию США и КНР только с точки зрения двухсторонних отношений, другие страны могут быть вовлечены в конфликт, а также могут спровоцировать его, когда речь идет о близких союзниках и партнерах [30]. Такие факторы близки к теории баланса сил и постулатам неореализма в контексте подхода к формированию союзов для «балансирования» или «примыкания» [31]. Но, в это же время, так же усложняются вопросами взаимозависимых отношений между отдельными акторами.

В плоскости идеологического противостояния ситуация отличается от периода «холодной войны» более сдержанным прагматичным подходом, который не играет определяющую роль в глобальном масштабе [22]. Поэтому важно рассматривать конкуренцию США и КНР через призму конструктивистского подхода, учитывая транслируемые нормы и ценности.

В существующей системе международных отношений доминирует либеральный мировой порядок, поддерживающий гегемонию США, в то время как глобальные концепции, предлагаемые другими странами, такими как КНР и Россия, рассматриваются как ревизионистские [14]. Основными угрозами для либерального мирового порядка в условиях доминирования США представляют «делигитимизация» и «деконцентрация». На практике это означает «делигитимизация» влияет на устойчивость системы и стремление акторов к ее пересмотру, в то время как «деконцентрация» позволяет распределить влияние более равномерно по всей системе [28].

Одним из подходов к описанию китайской стратегии в сфере продвижения новых норм и ценностей является ресоциализация, которая прежде всего направлена на страны Глобального Юга, консолидация которых вокруг Китая открывает возможности для создания форматов, конкурирующих с глобальными либеральными институтами (МВФ, Всемирный Банк и др.) [21]. Важно понимать, что в данном случае – это не социализм в классическом понимании, а «социализм с китайской спецификой новой эпохи», который состоит из четырех важных компонентов: переход КНР из статуса великой державы, в статус сверхдержавы; переход от «приоритетного процветания» к «общему процветанию»; развитие потенциала культурного влияния; становление КНР ключевым экономическим актором [9]. Таким образом, в противовес «миропорядку, основанному на правилах», Китай стремится создать новую международную систему с «китайской спецификой» [16].

Особое место формировании новой системы глобального управления занимает информационное пространство, которое стало доменом великодержавной конкуренции [8]. А США и КНР стали государствами, которые формируют основные тренды и подходы, как в сфере политического регулирования, так и в сфере принятия технологических стандартов [4]. Такие же тенденции наблюдаются во всех приоритетных технологических направлениях, среди которых технологии искусственного интеллекта, квантовые вычисления, космические технологии и новые стандарты связи. В условиях ускоренной цифровизации и четвертой промышленной революции, государства, контролирующие технологии в этих сферах, будут доминировать на глобальных рынках и определять направления глобального развития.

В этом контексте, следует также упомянуть мир-системную теорию И. Валлерстайна, согласно которой мир разделен на центр, периферию и полупериферию. После Второй мировой войны США выстроили систему финансовых институтов, которая способствовала процветанию их союзников и числа развитых стран, в то время как развивающиеся страны стали источником ресурсов, а контроль обеспечивался за счет экономического и технологического разрыва. После 2013 года, Китай предложил инициативу «Один пояс, один путь», которая предложила альтернативный пути развития для развивающихся стран, после чего был запущен процесс перестройки глобальных производственных цепочек.

В конечном итоге одного отдельного теоретического подхода недостаточно, чтобы в полной мере охватить все аспекты американо-китайской конкуренции. Очевидно, что «теория властного транзита» выступает общей рамкой в контексте перестройки системы международных отношений, в которой долгое время доминировал либеральный мировой порядок. Китай выступает за пересмотр существующего миропорядка, объединяя вокруг себя, коалицию стран, неудовлетворенных своим положением в системе глобального управления и распределения общественных благ. Иные подходы, предлагают анализ отдельных сфер конкуренции и инструментальных компонентов. Поэтому также важно подкреплять теоретический анализ прикладными методами анализа, для понимания объективного соотношения потенциалов двух стран.

Применимость оценки материальных показателей к исследованию американо-китайской конкуренции. Одним из традиционных подходов является анализ материальных потенциалов стран по методологии проекта Корреляты войны – Сводный индекс национальных потенциалов (CINC), состоящий из шести коэффициентов: общая численность населения страны, численность городского населения, выплавка чугуна и стали, потребление первичной энергии, военные расходы и численность армии [25]. По данному показателю КНР уже обошла США, аккумулируя самый большой материальный потенциал в мире [2]. В то время, как по показателю ВВП, который наиболее актуален для сторонников теории «властного транзита», США все еще сохраняют лидерство [27]. Что уже не актуально для показателя ВВП по ППС, по которому Китай уже обогнал США более чем на 20%. Но даже достигнув таких показателей КНР, все еще не сместила США с позиции глобального гегемона, так как подобные показатели не учитывают комплексный характер влияния в современной системе международных отношений.

Китай в современных условиях контролирует большую часть производства «базисных» продуктов и ресурсов, продолжая расширять реальное производство. Это способствует перестройке «глобального базиса», однако роль экономическая роль Запада все еще велика, и эти страны сохраняют контроль над военными, финансовыми, административно-управленческими, информационными, культурными и ценностными рычагами влияния [1].

Поэтому для экономической сферы помимо объема ВВП необходимо учитывать контроль над внешними ресурсами. Для США Всемирный Банк, МВФ и ОЭСР во многом работают на поддержание существующего миропорядка и на данный момент являются ключевыми организациями глобального управления в системе международных экономических отношений [19]. В это же время, КНР хоть и создает дублирующие институты, такие как АБИИ, Фонд Шелкового пути и способствует созданию многосторонних организаций, таких как Новый банк развития БРИКС, говорить о контроле системы глобального управления в экономической сфере еще рано. Сотрудничество в таких форматах способствует тому, что Китай получает большую поддержку в ООН от стран партнеров при голосовании в Генеральной Ассамблее [33].

Голосование в ООН является также важным индикатором в оценке глобального влияния США и КНР, на который в значительной мере оказывает влияние торгово-экономическое сотрудничество [11]. Объемы международной помощи также оказывают влияние на голосование стран в ГА ООН, и в настоящее время вместе с ростом объемов китайской помощи, растет и поддержка политическая поддержка Китая [34]. Таким образом, Китай добился наибольшей поддержки в ООН, за исключением наиболее лояльных к США союзников [17]. В том числе, большая работа была проделана через диалог со странами «Группы 77», которые представляют голос развивающихся стран в ООН.

При оценке глобального баланса сил до сих пор важным показателем является военная мощь, которая не ограничивается индивидуальными военными потенциалами, которые можно оценить с помощью таких инструментов как Глобальный индекс военной мощи (Global Firepower Index), но и включает в себя потенциал развертывания, военно-политические альянсы и контроль над рынком торговли вооружением. Однако концептуальное разнообразие видов военной мощи не позволяет использовать один единственный индикатор или индекс для ее оценки, требуя разработки более сложных подходов [6].

По уровню военной мощи, КНР занимает третье место в мире после США и России [18]. В сфере потенциала военного развертывания Китай активно проводит модернизацию и адаптацию своей стратегии, учитывая наличие у США конкурентных преимуществ на данной этапе исторического развития [7]. В большей степени КНР стремится к разработке наиболее эффективных мер для контрбалансирования США в военной сфере, реализуя программы по усилению вооруженных сил и реализуя операции, направленные на снижение американских преимуществ, такие как A2/AD [15]. В сфере торговли вооружениями доля КНР меньше, чем у других крупных игроков, таких как Россия и США. Однако, преимуществом для Китая является постепенный рост влияния в развивающихся странах, который обеспечивается конкурентными ценами на китайские модели вооружений и открытый подход к сотрудничеству, который противопоставляется западной модели сотрудничества, где оружие продается только странам, которые соответствуют принятым критериям [24]. Важно отметить и то, что Китай сохраняет нейтральную позицию по вопросам ядерного сдерживания, выступая за нераспространение ядерного оружия, но не соглашаясь на участие в договорах по ограничению ядерных арсеналов. Такой подход прежде всего обусловлен тем, что после окончания «холодной войны» количество ядерного оружия у Китая было значительно меньше, чем у США и России, что делало нерациональным участие в подобных соглашениях. Также Китай проявляет скептицизм в отношении политики США в сфере ядерного сдерживания, которая прежде всего направлена на поддержание американской гегемонии, и выступает за включение вопроса о контроле над современными конвенциональными видами вооружений в комплекс проблем контроля над вооружениями [20].

Важно принимать во внимание, что на современном этапе большая часть военных возможностей КНР сконцентрирована в Азиатско-Тихоокеанском

регионе. Этот факт обусловлен географическим расположением региона и наличием в нем основных угроз безопасности для коренных национальных интересов КНР, которые связаны Индо-Тихоокеанской стратегией США. Среди них вопросы безопасности в Южно-Китайском море, Тайваньский вопрос, Корейская ядерная программа и территориальные споры со странами региона. США, в свою очередь, также переориентировали основные возможности своего флота в АТР и формируют новую систему минилатеральных региональных объединений [10].

На основе вышесказанного можно сделать выводы, что в отдельных случаях оценка материальных и численных показателей может помочь в исследовании американо-китайской конкуренции в отдельных отраслях, однако не в полной мере подходит для комплексного анализа. Поэтому предпочтительно обращаться к композитным методам оценки потенциалов при оценке глобальной расстановки сил на мировой арене [3].

Анализ американо-китайской конкуренции в международных композитных индексах. Показательным примером комплексной оценки национальных возможностей является «Азиатский индекс силы» (Asia Power Index), который разрабатывается Институтом Лоуи и оценивает баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Методология включает 128 отдельных показателей, разделенных на 8 групп с различными весами. По состоянию на 2023 год, в регионе выделяется две сверхдержавы – США и КНР, которые в значительной мере превосходят другие страны региона по своему совокупному потенциалу [13]. Важным допущением является то, что индекс оценивает потенциалы стран исключительно в региональном разрезе.

Такой подход, объединяющий материальные потенциалы (военную силу, объем экономики, уровень технологического развития и обеспеченность ресурсами) и нематериальные аспекты влияния (культурное влияние, дипломатическое влияние, международные альянсы) позволяет более комплексно оценить возможности США и КНР в условиях «властного транзита». Особенно это актуально для периода формирования новых блоковых коалиций вокруг существующего гегемона и возвышающейся державы. Отдельно стоит отметить, что именно международная сеть военно-политических альянсов и влияние США на международные институты позволяет сохранить статус гегемона в условиях, когда КНР обошла Соединенные Штаты по многим экономическим показателям.

Другим примером, где была предпринята попытка проанализировать глобальный аспект конкуренции США и КНР, является российское исследование – G2 Research Project, которое проводилось в РУДН. Авторы методологии предлагают оценить, насколько страны мира тяготеют к вступлению в коалиции с США и КНР в период глобальных трансформаций. Для оценки используются показатели торговой и долговой зависимости, совпадение голосов в ООН, зависимость от поставок высокотехнологичных товаров и институциональное влияние, включающее соглашения в военно-политической и экономической сферах, а также участие в форматах, влияющих на систему глобального управления [17].

Данные индексы являются отдельными примерами использования комплексной методологии для анализа американо-китайской конкуренции и число подобных проектов увеличивается параллельно процессу трансформации международной системы.

Заключение. Американо-китайская конкуренция является важным глобальным трендом, охватывающим все регионы мира и все возможные политические пространства. Именно рост числа сфер взаимодействия усложняет теоретические подходы к анализу конкуренции, не позволяя использовать одну отдельно выбранную теоретическую школу, что было применительно в исследованиях периода «холодной войны» при анализе глобальной конкуренции США и СССР.

Ни одна из больших школ не дает всеобъемлющего инструментария для объективного рассмотрения современной ситуации. Теоретические разработки школы неореализма зачастую не учитывают влияние экономических и институциональных факторов. Теория комплексной взаимозависимости не учитывает особенности стратегической культуры международных акторов, так как в большей степени базируется на неолиберальных представлениях. В то время как школа конструктивизма делает акцент на продвижении норм и ценностей, снижая значимость материальных потенциалов. В такой ситуации исследователю необходимо собирать отдельный теоретический инструментарий, сочетающий «большие» теории и теории среднего уровня для проведения комплексного анализа. Справедливо отметить, что для анализа американо-китайской конкуренции наибольшей популярностью пользуется теория «властного транзита» и теория комплексной взаимозависимости.

Прикладные методы анализа также составляют важную часть исследований глобальной конкуренции США и КНР, но и здесь большее предпочтение отдается композитным индексам, а не оценке отдельных показателей. Таким образом США за счет дипломатического влияния, сетей альянсов и роли в международных организациях поддерживают свой статус гегемона даже в условиях, когда КНР смогла обойти их по многим экономическим показателям. В конечном итоге, только совокупный анализ большого количества факторов позволяет дать объективную оценку глобальному балансу сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.** Пути повышения эффективности африканской стратегии России в условиях кризиса существующего миропорядка // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 9.
2. **Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ** / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН, 2021.
3. **Дегтерев Д.А.** Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира. М.: Русайнс, 2020.
4. **Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Пискунов Д.А.** Подходы США и КНР к глобальному управлению киберпространством: «новая биполярность» в «сетевом

- обществе» // Вестник международных организаций. 2021. № 16 (3). (на русском и английском языках).
5. **Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В.** США-КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. № 21 (02).
 6. **Мальцев А.М.** Аморфная «жесткая сила»? Подходы к реконцептуализации и эмпирическому измерению военной мощи в мировой политике // Политическая наука. 2024. № 2.
 7. **Никулин М.А., Дубровский И.Р., Ма В.В., У Ц.** Экспедиционный потенциал НОАК в контексте китайской военной стратегии в новую эпоху // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6.
 8. **Рамич М.С., Пискунов Д.А.** Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. № 22 (2).
 9. **Ху Аньган.** Социализм с китайской спецификой. Какой будет новая эра для нового мира? // Международный дискуссионный клуб Валдай. 24.10.2017 // <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sotsializm-s-kitayskoy-spetsifikoy/>.
 10. **Худайкулова А.В., Рамич М.С.** «Квад 2.0»: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3.
 11. **Alam N.** UN voting alignment with the United States and export dependence on China. Brandeis University International Business School, 2012.
 12. **Allison G.** Destined for war: Can America and China escape Thucydides's trap? Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
 13. Asia Power Index, 2023 Edition. Lowy Institute, 2024 // <https://power.loyyinstitute.org/>.
 14. **Bettiza G., Lewis D.** Authoritarian Powers and Norm Contestation in the Liberal International Order: Theorizing the Power Politics of Ideas and Identity // Journal of Global Security Studies. 2020. № 5 (4).
 15. **Chase M.S., Garafola C.L., Beauchamp-Mustafaga N.** Chinese Perceptions of and Responses to US Conventional Military Power // Asian Security. 2018. № 14 (2).
 16. **Fujii W.M.Z.** 'My Order, My Rules': China and the American Rules-Based Order in Historical Perspective // E-International Relations. 28.12.2021 // <https://www.e-ir.info/2021/12/28/my-order-my-rules-china-and-the-american-rules-based-order-in-historical-perspective/>.
 17. G2 Research Project, 2019 // <https://g2.rudn.ru/>.
 18. Global Firepower 2024 // <https://www.globalfirepower.com/>.
 19. **He K., Feng H.** International Institutions, Institutional Balancing, and Peaceful Order Transition // Ethics & International Affairs. 2020. № 34 (4).
 20. **Hiim H.S., Trøan M.L.** Hardening Chinese Realpolitik in the 21st Century: The Evolution of Beijing's Thinking about Arms Control // Journal of Contemporary China. 2022. № 31 (133).

21. **Hodzi O.** Delegitimization and 'Re-socialization': China and the Diffusion of Alternative Norms in Africa // *International Studies*. 2018. № 55 (4).
22. **Jie D.** The emerging ideological security dilemma between China and the U.S. // *China International Strategy Review*. 2020. № 2 (2).
23. **Lake D.A.** Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. № 11 (3).
24. **Matthews R., Anicetti J.** The role of defence countertrade in Chinese geoeconomic diplomacy // *Journal of Strategic Studies*. 2024.
25. National Material Capabilities (v5.0). The Correlates of War Project // <http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities>.
26. **Nye J.S.** Power and Interdependence with China // *The Washington Quarterly*. 2020. № 43 (1).
27. **Rauch C.** Challenging the Power Consensus: GDP, CINC, and Power Transition Theory // *Security Studies*. 2017. № 26 (4).
28. **Schweller R.L., Pu X.** After Unipolarity: China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline // *International Security*. 2011. № 36 (1).
29. **Snyder J.** Trade Expectations and Great Power Conflict-A Review Essay // *International Security*. 2016. № 40 (3).
30. **Tønnesson S.** Deterrence, interdependence and Sino-US peace // *International Area Studies Review*. 2015. № 18 (3).
31. **Waltz K.** *Theory of International Politics* // Long Grove, IL: Waveland Press, 1979.
32. **Watanabe T.** US Engagement Policy toward China: Realism, Liberalism, and Pragmatism // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2013. № 2 (2).
33. **Wu W., Pan H., Fu R.** China's Economic Weight on the Scale of Sino-US Confrontation – Evidence from the United Nations General Assembly Voting Data. Salt Lake City, Utah: Political Economy of International Organizations Conference, 2016.
34. **Xun P., Shuai W.** The International Political Significance of Chinese and US Foreign Aid: As Seen in United Nations General Assembly Voting // *Social Sciences in China*. 2018. № 39 (1).

M.S. RAMICH

Assistant Professor of the Department of Theory and History of International Relations at the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University); researcher at the RUDN University Center for Applied Analysis of Global Transformations, Moscow, Russia

METHODOLOGY OF ANALYSIS OF GLOBAL COMPETITION USA AND CHINA

The article focuses on the peculiarities of the methodology of analyzing the US and China's global rivalry. The article considers theoretical and applied methods of analyzing of the modern international relations system, including theories of international political science and assessment of quantitative indicators and composite indexes. The article illustrates how international relations theories can be used to analyze U.S.-China rivalry, including a special focus on neo-realist theory, «power transition» theory, complex interdependence theory, world-system theory, and constructivist approaches. The article discusses various approaches to assessing the material capabilities of the US and China, including separate economic indicators and composite indexes for assessing material capabilities, military power, and complex influence. The author concludes that it is necessary to use a comprehensive methodology to analyze U.S.-China rivalry at the present stage, combining various theoretical and applied approaches.

Key words: US, China, power transition theory, complex interdependence theory, global governance.